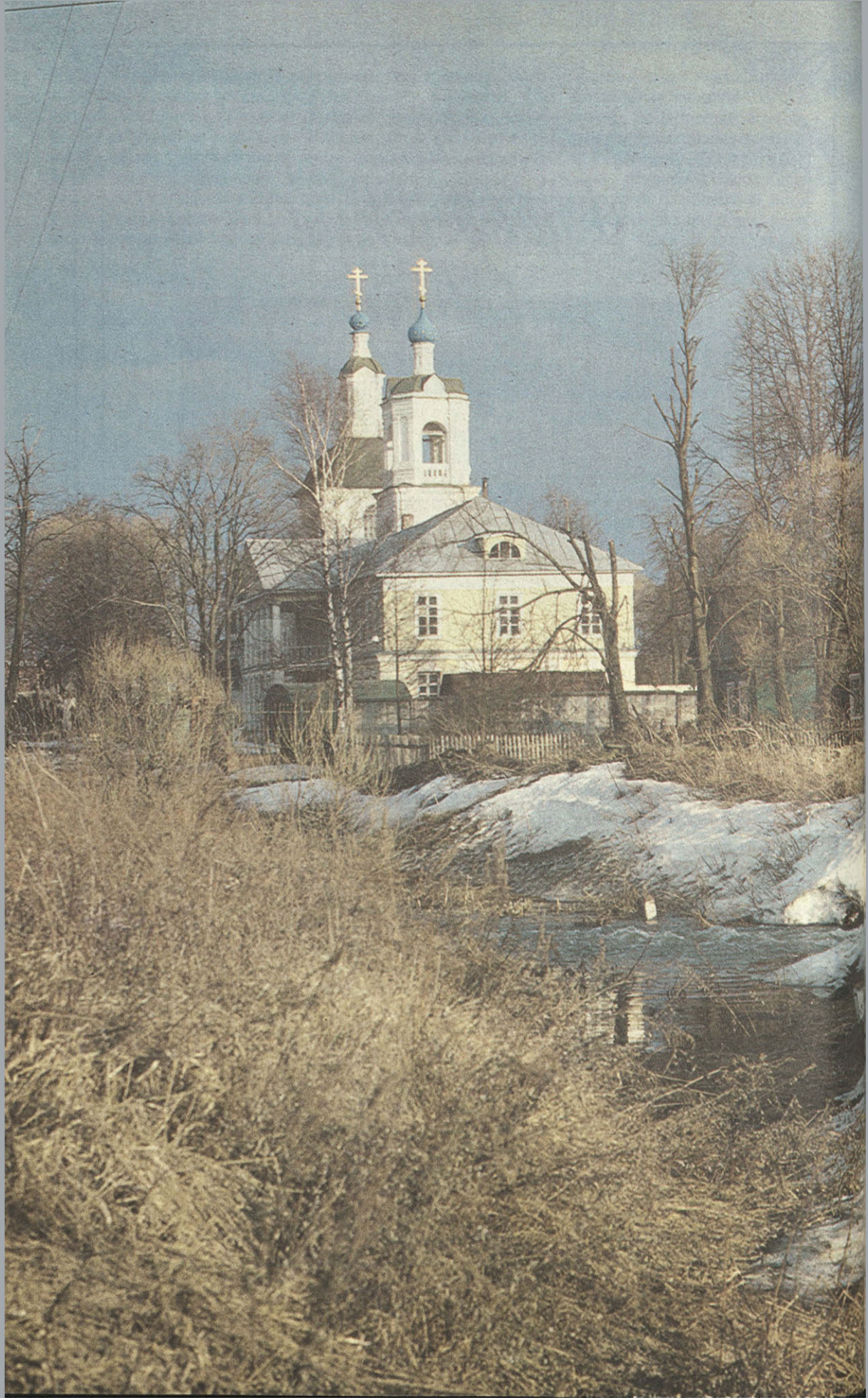

Губернские очерки

Самим этим названием мы хотели подчеркнуть
преимущественную связь Московской губернии
с одноименной областью, которую недавно
с гордостью называли орденоносной. Полагаем, какой
бы орден не был присвоен Московии, оснований
для гордости у нее и в далеком прошлом предостаточно.

Недаром на ее губернском гербе скачет
Георгий Победоносец — так что область — губерния — не
только орденоносная, но и победоносная.
В этой главе мы собрали статьи, написанные на разные
темы, в разные времена, но объединенные
границами Подмосковья, историческими преданиями, их
восприятием нашими современниками
и людьми ушедших эпох.

Меняются времена, меняются люди, остается
неизменной их любовь к «отеческим гробам» —
к московской земле, с орденами и без.

Прощание с Гоголем

Сергей Разгонов

Ранным утром 18 мая 1840 года из Москвы выехала рессорная коляска с черным кожаным верхом, в каких ездят господа средней руки. За ней по булыжной мостовой тряслись и громыхали дрожки с тарантасом. Так, в три экипажа двигалась процессия друзей Николая Васильевича Гоголя, надолго уезжавшего из России. Ехал он в любимую им Италию, где ему так хорошо работалось.

В селе Перхушкове, в тридцати верстах от Москвы, где была первая почтовая станция, остановились. Сергей Тимофеевич Аксаков напутствовал Гоголя, просил писать с дороги. Выпили на посох, закусили балыком и аксаковскими пирогами, обнялись на прощанье. В стороне стояли бородатые ямщики, равнодушно смотрели на проводы: дело обычное, здесь, в Перхушкове часто проезжали господа, ехавшие в Европу. Как сегодня в Шереметьево...

Тот майский день навсегда запомнился его участникам, о нем Сергей Тимофеевич Аксаков оставил свидетельство: «Я, Гоголь, Погодин и Щепкин сели в коляску, а молодежь поместилась в тарантасе и на дрожках. Так доехали мы до Перхушкова, то есть до первой станции. Дорогой был Гоголь весел и разговорчив. Он повторил свое обещание..., что через год воротится в Москву и привезет первый том «Мертвых душ», совершенно готовый для печати. Это обещание он сдержал...»

Сдержал он и обещание писать с дороги. Уже в конце мая он писал Аксакову из Варшавы, сообщая, что запасов, данных ему, «стало не только на всю дорогу, но даже и на станционных зрителей...» А в октябре написал из Рима Погодину: «Дорога — мое единственное лекарство... С какою бы радостью сделался бы фельдшером, курьером даже на русскую перекладную...»

Любил Николай Васильевич путешествовать, любил дорожные хлопоты и неслучайно именно он написал о птице-тройке, о быстрой езде. Подмосковное Перхушко-

во проезжал он не один раз, менял здесь лошадей, разминался, разглядывал барский дом, где, как слышал в пристанционном трактире, ночевал Наполеон перед входом в Москву. Не здесь ли, в Перхушкове, услышал Гоголь разговор двух мужиков у дверей кабака о колесе, которое может доехать до Москвы, а «в Казань не доедет»?..

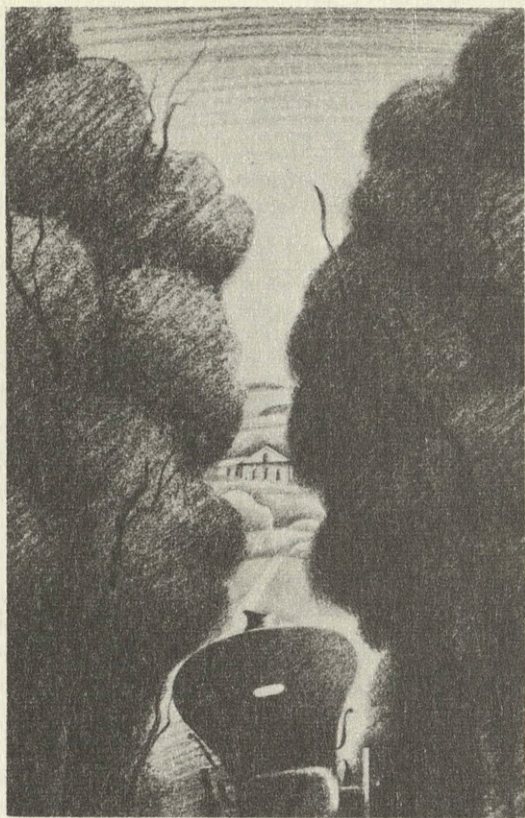
Перхушково — село в Московской губернии не самое большое, не самое видное. Но принадлежность его старой Смоленской дороге, почтовая станция сделали его частью столбовой дороги русской истории. Через него шли на Москву все завоеватели — поляки, французы. Через него все известные русские люди ездили за границу и через него возвращались домой. Потому — без великих памятников, без особых красот — это подмосковское село так хорошо знакомо нам по русской литературе.

Гоголь знал, конечно, что частенько проезжал здесь до него и Пушкин — отсюда рукой подать до Вязем, до Захарова, принадлежавшего М. А. Ганнибал — бабушке Александра Сергеевича. В Больших Вяземах в конце XVI века находилась усадьба Бориса Годунова. Здесь — дорога кого только не соединяет! — по пути в Москву останавливалась Марина Мнишек и после Бородинского сражения М. И. Кутузов. Пушкин все это впитал с детства — воздушной истории окружал его в Захарове. Уж тут гадать пушкиноведам не пришлось — откуда родился замысел «Бориса Годунова». Известно им и то, что владелица Вязем Н. П. Голицына настолько поразила воображение Пушкина, что побудила его написать «Пиковую даму», старая графиня — это она, здешняя помещица...

У церкви в Больших Вяземах могила младшего брата Пушкина — ее раньше можно было увидеть с дороги. И Гоголь, проезжая мимо, каждый раз поминал любимого поэта, подсказавшего ему сюжеты «Ревизора» и «Мертвых душ». Гоголь знал, что Пушкин и село Перхушково осенил своим светом, запечатлев его в «Истории села Горюхина» под названием Перкухово.

Вот и получается, что в истории русской литературы село Перхушково сыграло особую роль. Ему бы причаститься к славе

Церковь в Перхушкове.
Фото В. Титова.

Гоголевский тарантас. Рис. С. Алимova

знаменитых усадеб в Остафьеве, Середникове, но нет — у него своя судьба, отнюдь не музейная, не заповедная. Не в уютной тишине под вековыми липами протекала его долгая жизнь, а при большой дороге, на пыльном тракте, под вечный скрип колес, при важнейшем почтовом деле. Сколько писем из-за границы, депеш, высочайших поручений — чуть ли не весь эпистолярный архив России прокатился через Перхушково. И сколько через него промчалось лошадей, сколько кибиток, саней, дормезов, дилижансов, колясок, тарантасов промчалось — кто по казенной надобности, кто — по личной, а кто — по творческой, в поисках литературного материала.

Так однажды приехал сюда Лев Николаевич Толстой, потому что, работая над «Войной и миром», он никак не мог миновать села Перхушково. В усадьбе Яковлева, дяди Александра Ивановича Герцена, многое напоминало о войне 1812 года. Старый барский дом, что и поныне хмуро стоит на Можайском шоссе, и в самом деле видел, как на следующий день после Бородина явился на берег соседнего пруда император Франции, как обошел церковную ограду, вошел в дом и до утра с тревогой раз-

мышлял о будущем Великой армии. Всю ночь в окне на втором этаже горела свеча. Может быть, впервые здесь посетил Наполеона мрачное предчувствие — мертвая тишина встретила его в Перхушкове, все, кто мог двигаться, ушли с последними обозами русской армии. А что, если так же встретит Москва?

Толстой в Перхушкове услышал долгое эхо 1812 года, вместе с Пьером Безуховым он был здесь сразу после Шевардинского боя, накануне Бородина: «Ночью, переменяя лошадей в Перхушкове, Пьер узнал, что в этот вечер было большое сражение. Рассказывали, что здесь, в Перхушкове, земля дрожала от выстрелов».

Первая от Москвы почтовая станция — здесь, в нашем рассказе, встретились юный Пушкин, «Пиковая дама», Гоголь, Аксаков, Пьер Безухов, Лев Толстой. Литературные герои и их создатели. А сколько еще известных и неизвестных людей переменяло лошадей в Перхушкове! Да считайте, вся Россия!

...Я стою у церковной ограды. Давняя пасхальная ночь в Перхушкове. Тогда еще во время пасхальной службы телевидение не передавало репортажей из Елохова, а устраивало непотребные эстрадные концерты, чтобы людей музыкой отвлечь от «опиума».

В Покровской церкви XVIII века жарко, тесно. Немного было в Подмоскowie, да и во всей России храмов, которые не просто уцелели от революционной ярости, но продолжали свое молитвенное дело. Сельский крестный ход вокруг церкви. Народ тихо, со свечами стоит у ограды, откликаясь на голос священника: «Воистину воскрес!»

По ночному шоссе я с сыном возвращаюсь в соседний с Перхушковым поселок. Из оврага вдоль дороги потягивает влажным холодком последнего снега. Утром над Перхушковым весело звонят колокола — здесь очень красивый звон, он утекает в долину реки, стелется по полям, исчезает в ближнем лесу... Сколько раз я слышал этот звон — вечерний и рассветный!

Прожил я в этих местах почти четверть века. На местном кладбище могилы близких людей, с которыми пил, гулял, бродил по окрестным лесам — с этюдником, с охотничьим ружьем, с корзинкой — за грибами. Двадцать лет назад их здесь было, как под Вереей. Сейчас столько же дачных поселков, про грибы, наверное, забыли.

Хотя краеведческим зудом я не терзался, к истории с юности относился почтительно. Со временем я понял, что история — это не скучный учебник, не список дат и имен верховных правителей, это — особое чувство времени, обращенное одновременно в прошлое и будущее. Чувству истории меня научило Перхушково. Объяснить его не берусь, скажу только, что оно сродни вооб-

Усадьба Большие Вяземы.
Фото В. Титова

ражению, без него оно остается лишь педантичным собиранием фактов. Перхушково научило меня переноситься в иные времена, становиться свидетелем былого, хоть бы и памятного прощания с Гоголем на его пути в Италию. Я уж не говорю о более близком времени, которое помнят еще многие...

В воспоминаниях маршала Жукова Перхушково называется как место, где был расположен его штаб. Не в самом Перхушкове, а в дивной березовой роще, которую сам Куинджи бы написал с восторгом. А рядом хутор, одна обитательница которого помнила, как Жуков с генералами заходил к ним в дом, как над Перхушковым шел воздушный бой и наш истребитель упал около шоссе. Там сейчас одинокий обелиск.

Как странно, непостижимо на одном клочке подмосковной земли сходятся времена и события. Каждая эпоха оставила здесь свой культурный слой, плодородие которого зависит от нашего отношения, от нашего желания понять и принять уроки истории. Диффузия времен безгранична, одна эпоха легко проникает в другую, если восприни-

мать историческое пространство как непрерывное целое. Это историки для удобства делят прошлое на периоды, на Русь петровскую, допетровскую, на Россию дореволюционную и после... Периоды, конечно, разные, но страна одна, история — одна. С царями, большевиками — все равно это наша история. И когда всю громаду российской истории фокусируешь в одной крохотной точке — в истории села Перхушково, например, — то прошлое приближается к вам вплотную, низводится с котурнов, наполняется голосами, запахами, скрипом колес, топотом сапог. А памятники, как Покровская церковь в Перхушкове, как здешняя скромная усадьба, впитывают дыхание и ритмы совершившихся дел и событий, чтобы сообщить о них любознательному потомку.

Сколько же по всей Московской губернии таких сел, деревень, погостов, малых городов, где стоят вехи и вешки прошедшего! Они готовы рассказать нам о былом, о любом веке, ибо памятник не хуже современного компьютера умеет собирать и хранить информацию.

Еще на заре века, в других условиях бытия,

Андрей Белый предупреждал: «Задохлись мы среди суеты базарной». Базарная суета мешает слышать и понимать историческое в современной жизни и уж совсем не подпускает к прошлому, потому что интерес к прошлому предполагает некую свободу от меркантильности, бескорыстие интереса — как страсть к искусству, как любовь. И когда пыль базарной суеты рассеется, вы с удивлением обнаружите вокруг себя другой мир, где каждая былинка, как в языческой мифологии, готова вам будет напечатать свое, заветное, что хранит ее хромосомная память. И тогда, оглянувшись, вы узнаете о своей неприметной местности не меньше, чем обитатели Перхушкова. Не в каждом селе Гоголь прощался с друзьями, не о каждом селе писали Пушкин и Толстой, но в каждом случалось нечто неслучайное, достопамятное. Здесь, в Подмосковье, насыщенность историей — как сильнейшая магнитная аномалия, зашкаливает все счетчики, и нет таких сил, чтобы это богатство собрать в один реестр: тысячи замечательных памятников, монастырей, усадеб, городов, среди которых ровесники Москвы, как Дмитров и Волоколамск, ее соперники — как Звенигород, ее защитники — как Можайск, Серпухов и Коломна... А сколько воспоминаний пробуждает одно лишь святое название Сергиева Посада, какая за ним культура, сколько сокровищ и имен — от Сергия Радонежского до Павла Флоренского. В иных местах и памятники не сохранились, в Захарове или Шахматове уже много лет почти никаких следов ушедшей жизни, но память нерушима, она хранит несуществующий домик в Вяземах и голос юного Пушкина над озером; отблески страшного костра, в котором сгорела шахматовская библиотека Блока... Все Подмосковье густо насыщено памятью о былом, она хранит нетронутыми тропы Левитана и Нестерова, она бережет места, где рыбачили Аксаков и Чехов, хоть давно уже в тех речках нет никакой рыбы... Здесь, куда ни шагнешь, — живая память. Слова Николая Рериха «Везде что-то было» полнее всего подходят к подмосковной земле,

где вообще нет клочка, не замеченного историей. Здесь нет просто пейзажа, он всегда наполняется гулами прошлого — то ли топотом конницы Мюрата, то ли лязгом немецких танков, а если вслушиваться, то услышишь из Задонщины»: «Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове...»

Пожалуй, только в Италии, в области Лацио, вокруг Рима, или вокруг Флоренции такая насыщенность, густота исторической и художественной памяти. Во всей России нет места богаче, чем Московская губерния. Но итальянцы, не в пример нам, свою историю чтут необычайно, можно сказать, по зову сердца. В любом поезде вы встретите репродукции с гравюр Пиранези или с рисунков Леонардо. Даже на деньгах портреты не политиков, а великих зодчих и художников. Культ искусства здесь прямо-таки античный. В маленьком городке Азоло, в библиотеке одной частной виллы, увидел я издание, которое сразило меня: многотомная история этого самого Азоло — от древнеримских времен до мировых войн. Тогда, помнится, я попытался представить себе такую же энциклопедию о Звенигороде или Коломне. Но воображение было бессильно представить даже скромные путеводители. Вот так и живем, не оборачиваясь назад. Может быть, отсюда половина наших проблем. Поэтому каждому поколению все надо начинать сначала — то ли Сперанского повторять, то ли Победоносцева, то ли Столыпина...

У каждого из нас есть свои пенаты в Подмосковье, свои дачные, деревенские воспоминания, свои любимые места для рыбалки, охоты, прогулок. Живут мои друзья в Переделкине, в Лопасне, на Николиной горе, в Истре, под Сергиевым. Сам я давно не живу в Перхушкове, но все, что на этой земле понял и полюбил, навсегда осталось со мной.

Закрою глаза — и вижу, как по шоссе одиноко катится коляска с черным кожаным верхом. Та самая. Автомобили уступают ей дорогу.